

HARLEQUIN

011

Карол Мортимер
**ОПАСНОЕ
СХОДСТВО**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Кэрол Мортимер
Опасное сходство

«Центрполиграф»

2011

Мортимер К.

Опасное сходство / К. Мортимер — «Центрполиграф»,
2011 — (Исторический роман – Harlequin)

Продолжение романа Кэрол Мортимер «Кружевной веер». Миссис Уилсон намеревается женить своего племянника и единственного наследника. Разумеется, невеста должна быть знатного происхождения. Но красавец и храбрец лорд Натаньел Торн предпочитает холостяцкую жизнь. К тому же его угораздило увлечься тетушкиной компаньонкой, но не жениться же на ней, куда разумнее ее соблазнить и сделать своей содержанкой. Девушка, надо сказать, необыкновенно хороша собой и обладает аристократическими манерами, что несколько смущает молодого графа. Откуда ему знать, что очаровательная Бетси на самом деле графиня леди Элизабет Коупленд, а невесты двоих его друзей – ее родные сестры...

© Мортимер К., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кэрол Мортимер

Опасное сходство

Моим чудесным родителям – с любовью

Глава 1

Май 1817 г., Хепворт-Мэнор, Девоншир

– Как вы смеете? Лорд Торн, сейчас же отпустите меня!

Не переставая ласкать губами шею черноволосой красавицы, лорд Натаньел Торн, граф Осборн, хрипло засмеялся. Девушка яростно вырывалась, извиваясь всем телом, но от этого прикосновения к ее восхитительным изгибам доставляли Натаньелу еще больше удовольствия.

– Милая Бетси, ведь вы это несерьезно...

– Я говорю совершенно серьезно! – Она вскинула голову и метнула на него испепеляющий взгляд синих глаз, обрамленных длинными темными ресницами. От ее черных кудрей пахло лимоном и жасмином.

Натаньел улыбнулся. Он не сомневался в своем успехе.

– Всего один поцелуй, Бетси! Больше я ни о чем не прошу!

Она решительно поджала губы:

– Что ж, отлично! Вы сами запросились!

Натаньел с шумом втянул в себя воздух, когда красавица обеими руками уперлась ему в грудь и оттолкнулась, высвобождаясь из объятий. Острая боль живо напомнила ему о том, что всего девять дней назад он сильно пострадал в драке. Из-за сломанных ребер он оказался прикован к постели – сначала у себя, а затем в доме своей тетки.

Дерзкая девчонка прекрасно помнила о его ранах!

– А вы напрашиваетесь уже давно!

Вместо того чтобы выпустить ее, Натаньел лишь крепче сжал ее в объятиях и слегка прикусил зубами нежную мочку уха.

Она перестала вырываться и, сидя у него на коленях, ошеломленно посмотрела на него сверху вниз:

– Неужели?

Возможно, он слегка преувеличивал.

Но, проведя четыре дня в Лондоне, в доме своей единственной родственницы, овдовевшей и бездетной тети Гертруды, которая запретила племяннику вставать и всячески опекала его, Натаньелу хотелось отвлечься. Он соскучился по женской ласке. Вдобавок его тетка решила на время переехать в свое девонширское поместье, и пришлось целых четыре дня трястись в карете по ухабистой дороге...

Проснувшись после дневного сна, он увидел в своей комнате тетину компаньонку Бетси, которой та поручила присматривать за ним. Натаньел немного приободрился, сообразив, что, хотя раны и причиняют ему сильную боль, в его бедственном положении есть и привлекательные стороны: ему не придется ходить на званые вечера и балы, неперемменные атрибуты лондонского сезона. Кроме того, тетка всерьез вознамерилась найти ему в Лондоне жену, а его нездоровье расстроило ее планы! Словом, Натаньел решил, что в целом легко отделался, и намерился вознаградить себя за удачное избавление от опасности, немного пофлиртовав с юной тетушкиной компаньонкой.

Он расплылся в широкой улыбке:

– Конечно, напрашиваетесь! Вы сидите в моей комнате, а последние полчаса буквально не отходите от меня: поправляете мне одеяла, взбиваете подушки...

Пока она хлопотала над ним, он беззастенчиво любовался ею. Когда она склонялась над его кроватью, в вырезе платья виднелась ее соблазнительная грудь, иногда ему удавалось даже заметить розовые соски!

– Ваша тетушка поручила мне в свое отсутствие присмотреть за вами. – Девушка с черными кудряшками надменно вздернула носик.

– Где же моя дорогая тетушка? – поинтересовался Натаньел.

– Она решила, что уже отдохнула с дороги, и потому отправилась с визитами. Хотела возобновить знакомство с соседями... Милорд, вы нарочно меняете тему! – Она метнула на него возмущенный взгляд.

– Да неужели? – протяжно произнес Натаньел.

– Да. – Бетси решительно тряхнула головой. – Не понимаю, почему мои самые простые заботы стали причиной вашего... нападения!

Элизабет немного лукавила; она вовсе не находила знаки внимания графа Торна такими уж неприятными.

В последний, впрочем, он же был и первый раз она целовалась против воли. Несколько месяцев назад ее поцеловал не по годам бойкий пятнадцатилетний сын приходского священника, обожавший сладости и оттого располневший сверх меры и ужасно прыщавый.

Сейчас же лишь выражение ленивого удовлетворения на красивом лице лорда Натаньела Торна, когда он без труда заключил ее в объятия, помешало Элизабет получить удовольствие от его чувственных – и, несомненно, гораздо более опытных – губ.

Такое же выражение появилось на лице графа, когда он бросил многозначительный взгляд на ее грудь, видневшуюся в низком вырезе ее синего платья.

– Милая моя Бетси, ни один нормальный мужчина не в состоянии вынести подобное искушение!

Элизабет невольно поморщилась. Лорд Торн продолжил называть ее именем, которым нарекла ее миссис Уилсон почти две недели назад, после того как сия достойная дама провозгласила, что Элизабет – слишком утонченное имя для молодой особы, которую она намеревалась принять на должность компаньонки.

Элизабет совсем не нравилось плотоядное выражение лица лорда Торна. Он буквально пожирал ее взглядом! Войди сейчас в комнату племянника миссис Уилсон, она бы наверняка тут же уволила так называемую Бетси без всяких рекомендаций!

– Ничего подобного, сэр! Я вовсе не искушала вас, – возразила она.

Он бросил на нее насмешливый взгляд:

– Значит, я принимал желаемое за действительность?

– Конечно! Впрочем, чего и ждать от друга печально знаменитого лорда Гейбриела Фолкнера! – язвительно ответила она.

Ее слова возымели неожиданное действие. Элизабет почувствовала, что свободна. Граф перестал обнимать ее, и она с трудом встала на ноги.

Кое-как одернув помятое платье и поправив прическу, она осмелилась снова взглянуть на него. Ледяная надменность взгляда и опасный блеск прищуренных карих глаз графа свидетельствовали о том, что она сказала нечто ужасное. Элизабет глубоко вздохнула.

Несмотря на резкую смену настроения, лорд Натаньел Торн, граф Осборн, по-прежнему был великолепен. Он по праву считался одним из первых красавцев Англии; за свою недолгую жизнь Элизабет почти не встречала таких, как он. Уложенные по последней моде волосы цвета спелой пшеницы оттеняли глаза цвета патоки. Лицо его, с высокими скулами, длинным аристократическим носом, полными, чувственными губами и решительным квадратным подбородком, было подчеркнуто мужественным. Поскольку последние девять дней граф провел

в постели, он в основном был полуодет, – Элизабет видела его главным образом в рубашке и панталонах, одежде, которая не давила на повязки, – она могла любоваться его широкими плечами, мускулистой грудью с короткой порослью золотистых волос, узкими, крепкими бедрами и длинными ногами. Правда, в дорогу графу пришлось одеться и заправить панталоны в начищенные до зеркального блеска высокие сапоги.

Так как Элизабет неоднократно становилась свидетельницей разговоров Натаньела с его любящей тетушкой, она успела понять, что характер у графа мягкий, хотя и довольно надменный; его нрав полностью соответствовал внешности.

Опасный блеск, появившийся в его темных, почти черных глазах, показывал, что, когда нужно, граф умел быть жестким и властным. Эти качества, несомненно, помогали ему на войне – он пять лет прослужил в армии под началом герцога Веллингтона.

– Будьте добры, объясните, пожалуйста, что вы сейчас имели в виду.

Хотя лорд Торн говорил ровным тоном, не повышая голоса, Элизабет вдруг стало не по себе. Примерно такое же чувство испытываешь, когда добродушный кот, мирно спящий на каминной полке, вдруг превращается в дикого зверя!

Она посмотрела ему в глаза и сказала:

– Я помню, несколько дней назад лорд Фолкнер нанес вам визит.

– Да, он приехал ко мне в тот же день, когда вернулся в Англию после восьмилетнего отсутствия, – ледяным тоном ответил Натаньел.

– Но ведь... кажется, в прошлом с его именем был связан громкий скандал?

– Да неужели?

У Элизабет перехватило дыхание. В голосе графа зазвенела сталь.

– Увидев его, слуги страшно разволновались. В людской только о нем и говорили... Я не хотела подслушивать, но кое-что все-таки услышала. Речь шла о скандале, запятнавшем его репутацию.

– В самом деле? – Натаньел надменно поднял светлые брови. – Как прикажете вас понимать? Вот не думал, что вы принадлежите к числу юных особ, которые обожают слушать досужие сплетни!

От его упрёка Элизабет густо покраснела:

– Согласна, сплетничать нехорошо, но... ведь это правда?

Натаньел почувствовал, что его гнев совершенно прошел.

– Сколько вам было восемь лет назад? – спросил он.

– Не понимаю...

– Я спрашиваю, сколько вам было лет? – грубо переспросил он.

Она невольно зажмурилась, прежде чем ответить:

– Одиннадцать лет, сэр.

– И вы, несомненно, жили тогда в Кембриджшире? – продолжал свой допрос Натаньел.

На лбу ее проступила морщина.

– Я никогда не жила в Кембриджшире, милорд, – сказала она.

– Тогда как можете вы, девчонка, никогда не жившая в Кембриджшире, которой во время предполагаемого скандала было всего одиннадцать лет, рассуждать о репутации лорда Фолкнера? Вы понятия не имеете, как все было на самом деле! – Облокотясь на подушки, которые она только что взбивала, Натаньел смотрел на нее в упор. Его глаза метали молнии.

Нежный румянец окрасил ее лицо. И все же она не желала так легко сдаваться.

– Всем известно, что восемь лет назад лорд Фолкнер соблазнил невинную девушку!

Натаньел прекрасно знал, какие сплетни ходили в высшем обществе о Гейбриеле Фолкнере, одном из двоих его лучших друзей. Однако ему казалось, что за восемь лет, прошедших после скандала, любопытство окружающих улеглось. Похоже, теперь, когда Гейбриел вернулся из Европы, чтобы приступить к исполнению новых обязанностей, в обществе снова распускают

о нем самые невероятные слухи. Унаследовав титул и имущество покойного графа Уэстборна, Гейбриел стал опекуном трех незамужних дочерей предыдущего графа и решил сделать одной из них предложение. Гейбриел ни разу не видел девиц Коупленд; очевидно, он решил избавиться от необходимости выбирать, на которой из трех жениться.

Натаньел подсадовал на себя. Ему сейчас следовало находиться в Лондоне, чтобы защищать друга! Вместо того чтобы выступать на стороне Гейбриела и облегчать ему возвращение в общество, он проводит свои дни в праздности и ждет, пока заживут ушибленные ребра. Правда, Натаньел сомневался в том, что Гейбриелу нужна чья-либо поддержка, как молчаливая, так и открытая. Едва ли Гейб одобрил бы стремление друзей защищать его. Проведя восемь долгих лет в ссылке, Гейбриел Фолкнер стал одним из самых гордых и надменных людей. Лондонские сплетники еще обломают об него зубы – и не только зубы...

И все же Натаньелу очень хотелось посмотреть, как вытянутся лица многих аристократов, когда Гейбриел займет причитающееся ему по праву место в обществе! К сожалению, на следующий день после возвращения Гейбриела в столицу Натаньела увезли из Лондона. В результате в Девоншире его развлекает лишь тетушкина компаньонка, несносная молодая особа с острым язычком, к тому же весьма любопытная!

– Вы точно знаете, что все было именно так? – ледяным тоном осведомился он.

Элизабет поджала свои очаровательные пухлые губки и спросила:

– Может быть, вам известна другая версия событий?

Натаньел наградил ее презрительным взглядом и ответил:

– Если и известна, то делиться ею с вами я не намерен.

Он хотел оскорбить ее, и ему это удалось. Элизабет смертельно побледнела. Правда, она понимала, что упрек вполне справедлив. Она переступила границы своей роли компаньонки. Ведь она в самом деле играла роль, которая ей не слишком удавалась. Еще две с половиной недели назад она носила титул леди Элизабет Коупленд, младшей дочери предыдущего, ныне покойного, графа Уэстборна. Именно поэтому Элизабет с такой жадностью слушала сплетни, касавшиеся лорда Гейбриела Фолкнера, который семь месяцев назад, после смерти ее отца, стал не только новым графом Уэстборном, но и опекуном Элизабет и двух ее сестер.

Внезапная кончина отца стала страшным ударом для трех сестер Коупленд; не меньший удар получили они, узнав, что после гибели двоих двоюродных братьев в битве при Ватерлоо титул графа перешел к троюродному или четвероюродному племяннику их отца. Этим племянником оказался Гейбриел Фолкнер. Девушки ни разу в жизни не видели его, но слышали туманные слухи. Восемь лет назад он так чудовищно повел себя, что в глазах общества стал навеки опозоренным. От него отреклись даже собственные родители.

Диана, Каролина и Элизабет, не покидавшие гемпширского имения отца, не знали, из-за чего разгорелся тот старый скандал. Правда, после того, как Гейбриел Фолкнер стал их опекуном, они пытались очень осторожно наводить о нем справки, но выяснить, из-за чего лорд Фолкнер стал изгоем, им так и не удалось. Тогда сестры узнали лишь, что восемь лет назад их опекун вынужден был уехать в ссылку в Европу; пять лет он участвовал в войнах с Наполеоном в армии герцога Веллингтона, а последние два года жил в Венеции. И лишь из разговоров слуг в доме миссис Уилсон Элизабет уяснила себе подробности того давнего громкого скандала.

Так как лорд Фолкнер не спешил возвращаться в Англию и приступать к исполнению своих обязанностей, коими наделял его унаследованный титул, а также принимать на себя заботу о трех своих подопечных, сестры Коупленд очень удивились, когда получили письмо от своего опекуна. Он цинично предлагал руку и сердце любой из трех сестер, которая согласится выйти за него замуж!

Сестры решили, что лорд Фолкнер, несомненно, знал о скандальном происшествии с их матерью Харриет, которая десять лет назад бросила мужа и троих дочерей и бежала из Шорли-Парка. Она открыто жила в Лондоне со своим молодым любовником, который несколько меся-

цев спустя, застав ее с другим, застрелил ее, а затем покончил с собой. Видимо, опекун решил: сестрам Коупленд до того не терпится выйти замуж, что они охотно примут предложение любого претендента, тем более человека, чье имя также оказалось в центре скандала...

Он ошибался!

В ответ на предложение Каролина, средняя из трех сестер, три недели назад бежала из дома неизвестно куда. Элизабет, которую мысль о подобном браке тоже ужасала, через несколько дней последовала примеру сестры.

Элизабет очутилась в Лондоне и попала в дом к миссис Уилсон. Можно представить себе ее потрясение, когда несколько дней назад Гейбриел Фолкнер приехал в дом ее хозяйки, чтобы навестить племянника миссис Уилсон, лорда Натаньела Торна, – судя по всему, своего близкого друга!

Правда, Элизабет не ожидала, что человек, унаследовавший титул ее отца, окажется таким красавцем. Сестры представляли его себе совсем другим. Впрочем, ни надменная, мрачноватая внешность, ни модная одежда не умаляли удара, какой получила Элизабет, услышав, в чем обвиняли ее опекуна восемь лет назад. Пока Гейбриел Фолкнер сидел у постели друга, слуги оживленно обменивались сплетнями... Только известие о том, что миссис Уилсон вместе со всей прислугой намерена отправиться в свое девонширское поместье, подальше от Лондона – и лорда Фолкнера! – помешало Элизабет во второй раз за несколько недель тайно бежать ночью куда глаза глядят.

– Я вовсе не собиралась оскорблять лорда Фолкнера, – холодно ответила она, уже зная от миссис Уилсон, что лорд Фолкнер и ее племянник дружат со школьных лет.

Элизабет корила себя за недогадливость. Ей следовало все сообразить раньше, ведь едва она попала в дом миссис Уилсон, как сия достойная дама сообщила ей, что ее племянник недавно вернулся из Венеции, куда ездил навещать друга!

– Кого же в таком случае вы собирались оскорбить – меня? – негромко спросил Натаньел.

Элизабет сокрушенно вздохнула. Ей и в самом деле хотелось его задеть. Она не могла себе представить, почему джентльмен, принадлежащий к сливкам общества, дружит с человеком, обладающим столь дурной репутацией. Может быть, и лорд Торн также отличается крайней необузданностью нрава, если не сказать больше?

На такие мысли ее натолкнуло известие о том, что лорд Торн пострадал в пьяной драке. Кроме того, она не забывала и его недвусмысленных намеков, и попытки поцеловать ее...

– Милорд, если у вас сложилось такое впечатление о моих словах, я прошу меня простить, – чопорно ответила она. – Хотя в защиту свою могу сказать, что вы сами меня спровоцировали.

Натаньел, прищурившись, окинул девушку внимательным взглядом. Роста она была небольшого, чуть выше пяти футов, ее стройную фигуру выгодно подчеркивало простое синее платье, черные кудри были уложены в простую, но модную прическу; лицо отличалось своеобразной, хрупкой красотой. На нем выделялись ярко-синие глаза под тонкими черными бровями, точеный маленький носик и пухлые, изящно изогнутые губы... Ни внешностью, ни манерами мисс Бетси Томпсон как-то не походила на нанятую компаньонку богатой и знатной дамы. Впрочем, откуда ему знать, как положено выглядеть настоящей компаньонке? Да, мисс Бетси Томпсон отличалась на редкость красивой внешностью. Ее выговор и манеры свидетельствовали о том, что она получила хорошее воспитание. Натаньел полагал, что юная тетина компаньонка – дочь какого-нибудь обедневшего дворянина или священника и вынуждена зарабатывать на жизнь своим трудом до тех пор, пока ее не возьмет в жены такой же бедный молодой джентльмен. Поженившись, они произведут на свет целый выводок таких же бедных детей, которые пойдут по стопам родителей...

Заключенный в Девоне и лишенный привычных шумных развлечений, а также новостей о жизни света – последние восемь дней тетя Гертруда запрещала Натаньелу даже читать газеты,

чтобы «не волновать» его разными дурными известиями, – он попытался немного пофлиртовать с тетушкиной компаньонкой, чтобы развеять скуку. Разумеется, меньше всего ему хотелось вступать с ней в словесную перепалку, во время которой прямодушная молодая особа осмелилась оскорбить его ближайшего и любимого друга. Натаньел, впрочем, думал, что сам Гейбриел в ответ на подобное оскорбление лишь рассмеялся бы. Ведь он давно привык к косым взглядам представителей общества и к слухам, которыми обменивались знатные дамы и девицы, обмахиваясь веерами и украдкой косясь на его мрачное, но красивое лицо. Натаньел же не собирался терпеть подобные намеки в адрес друга; они приводили его в бешенство. Тем более потому, что он знал: в сплетнях нет ни одного слова правды.

Сурово глядя на Бетси Томпсон, он хрипло произнес:

– Хватило бы и одного извинения! Кстати... вспомните, не поручала ли вам тетушка каких-нибудь других дел? Поручение, связанное со мною, вы исполнили превосходно.

«Я не выдержала испытания», – в досаде подумала Элизабет. Веселый, легкий человек, который всего несколько минут назад флиртовал с ней и даже пытался ее поцеловать, исчез бесследно. Его сменил надменный джентльмен, богатый и влиятельный аристократ до кончиков ногтей! Граф Осборн, владелец многочисленных поместий в Кенте и Суффолке, а также красивого особняка в Лондоне.

Она склонила голову:

– Да, мне пора вести Гектора на вечернюю прогулку.

– Ах да! – насмешливо улыбнулся граф. – Совсем забыл! Ведь здесь сейчас Летиция, тетушкина кузина... Значит, теперь вы – компаньонка не тети Гертруды, а ее любимого песика.

Он снова оскорбил ее, пусть голос его остался тихим и вкрадчивым! Элизабет сдвинула брови. К сожалению, она успела понять, что в Лондоне трудно найти работу без рекомендательных писем. К миссис Уилсон ей удалось попасть лишь потому, что она спасла любимого и избалованного шотландского терьера, когда он во время прогулки в парке сорвался с поводка и побежал неведомо куда. Итак, до поры до времени Элизабет придется оставаться в доме миссис Уилсон. Сейчас ей очень не хотелось возвращаться в Шорли-Парк и объясняться с лордом Фолкнером по поводу его нелепого брачного предложения... Хотя Элизабет видела своего опекуна и оценила его мужскую красоту, она считала, что подобное замужество хуже смерти.

Скорее всего, сам лорд Фолкнер ни о чем не догадывался, но Элизабет считала, что оказывает ему громадную услугу, не приняв его предложение. Внешне она больше всех сестер походила на Харриет Коупленд, и потому соседки – матери семейств, у которых имелись сыновья подходящего возраста, – всегда косились на нее с подозрением. Наверное, боялись, что она пошла в мать и характером...

Она гордо вздернула носик и сказала:

– Милорд, примите мои искренние извинения за то, что я вольно или невольно обидела вас.

Натаньел отчего-то сомневался в ее искренности. Он без труда угадал, какая борьба происходит в красивой головке мисс Томпсон. Она, несомненно, считает себя правой, но сознает, что разговаривает с любимым племянником – более того, единственным племянником – своей хозяйки. В самом деле, происходившая в юной компаньонке внутренняя борьба была столь очевидна, что он, наверное, расхохотался бы, если бы так сильно не разозлился на нее из-за Гейбриела. В конце концов, совсем недавно он просто так, от скуки, пытался поцеловать эту молодую особу! И то, что Натаньел получил свои травмы от головорезов, выходя из игорного клуба с дурной славой, принадлежащего еще одному его другу, нисколько не льстило его собственной репутации...

Продолжая шуриться, он окинул Бетси Томпсон внимательным взглядом:

– Сознаться, вы ведь работаете совсем недавно?

Ее белоснежные щеки зарделись нежным румянцем.

– Почему вы спрашиваете, милорд?

М-да, ее смелость сама по себе служит ответом. Девушка, с детства привыкшая к подчиненному положению, не посмела бы так отвечать графу и племяннику своей хозяйки!

– Похоже, вы не обучены знать свое место.

Ее синие глаза гневно сверкнули, и он чуть не расхохотался. Какая вспыльчивая!

– Свое место, милорд?

Натаньел сокрушенно покачал головой. Он не мог припомнить, чтобы раньше ему приходилось вести подобные разговоры.

– По-моему, обычно принято выказывать больше... почтения в разговоре со старшими по возрасту и положению, – с нарочитой издевкой протянул он. Помимо всего прочего, ему очень нравилось, как сверкали синие глаза тетиной компаньонки, когда она выходила из себя!

Зная, что Натаньел Торн старше ее всего на восемь-девять лет, Элизабет не считала его таким уж «старшим по возрасту». Будучи леди Элизабет Коупленд, дочерью графа, она не могла считать его и «старшим по положению»... Ах да, ведь сейчас она – вовсе не леди Элизабет Коупленд! И понятия не имеет, когда снова ею станет. И станет ли вообще...

Она убежала из дома, повинувшись лишь порыву. Она последовала примеру Каролины, поступившей так же за два дня до нее. Предложение лорда Гейбриела Фолкнера одинаково возмутило всех трех сестер, но Каролина оказалась самой решительной... Два дня они с Дианой пытались найти Каролину по соседству. Потом они пришли к выводу, что средняя сестра, скорее всего, бежала в столицу.

Лондон!

Отец отказывался везти туда дочерей, но Диана, Каролина и Элизабет всю жизнь мечтали хоть одним глазком взглянуть на столицу Англии, не говоря уже о том, чтобы принять участие в лондонском сезоне, во время которого любая из них или все три могли найти себе мужей! Маркус Коупленд упорно отказывался выводить дочерей в свет; он винил столичные соблазны в том, что его жена в свое время бросила семью. Что бы ни скрывалось за решением отца, Каролина и Элизабет особенно томились любопытством по поводу этих неведомых соблазнов и мечтали испытать их. Самой сдержанной из троих считалась Диана, двадцатилетняя старшая сестра. Последние годы она исполняла обязанности хозяйки Шорли-Парка и заменяла мать своим младшим сестрам.

Итак, вначале Каролина, а за ней и Элизабет покинули единственный дом, который они знали, ради лондонских соблазнов и возможности окунуться в волнующую столичную жизнь. О Каролине Элизабет ничего не знала; она понятия не имела, где ее сестра и что с ней. Но очень быстро после того, как она сама попала в столицу, Элизабет поняла, что лондонские соблазны и развлечения касаются только состоятельных и титулованных членов лондонского высшего общества. Что же касается платных компаньонов, то они находятся на одной из низших ступеней общественной лестницы. Она должна потакать всем капризам своей хозяйки и всецело зависит от ее милости. Мир, о котором она так мечтала, ей суждено было увидеть лишь краем глаза.

Кроме того, за недолгое время, проведенное в Лондоне, Элизабет успела понять, как она скучает по дому и как ей одиноко без своих сестер, с которыми можно посмеяться и посплетничать. Каролина и Диана с самого рождения были ее неизменными подругами и спутницами. Элизабет так скучала по сестрам, что ей даже померещилось, будто она увидела Каролину. Произошло это в тот самый день, когда она вернула убежавшего Гектора хозяйке, миссис Уилсон. Ей вдруг показалось, что Каролина проехала по парку в модном каррикле... Разумеется, это был полный вздор. Она сразу поняла, что обозналась, когда мельком увидела сидевшего рядом с дамой джентльмена, уверенно правившего парой холеных серых лошадей. Элизабет признала в нем аристократа; правда, лицо его выглядело несколько зловещим из-за шрама,

идущего через всю левую щеку. С такими лихими щеголями сестры Коупленд знакомства не водили.

Мимолетная встреча в парке лишний раз напомнила Элизабет о том, как она тоскует по сестрам. Приехав в Лондон, Элизабет быстро поняла свою ошибку; она не сомневалась, что Каролина успела осознать то же самое. Две сестры так внезапно покинули Гемпшир, что не подумали о том, как они смогут узнать, когда лорд Фолкнер покинет Шорли-Парк и покинет ли он его вообще. Следовательно, у них нет никакой возможности выяснить, когда они смогут вернуться домой.

Пока она не знает своей судьбы, ей во что бы то ни стало нужно остаться в доме миссис Уилсон, чего она сделать никак не сможет, если поссорится с любимым племянником своей хозяйки.

– Еще раз примите мои извинения, милорд, за... возникшие недоразумения, – сухо проговорила она. – Впрочем, ваша тетушка рада будет услышать, что сегодня вам значительно лучше.

– В самом деле? – спросил Натаньел, глядя на нее в упор. – Что именно намерены вы рассказать моей тетушке о событиях сегодняшнего дня?

От его обвинительного тона ей стало больно.

– Больше ничего, милорд.

– Вам не кажется, что и я должен извиниться перед вами за свое поведение? – Он бросил на нее пронизательный взгляд.

Нежный румянец окрасил ее щеки. Она опустила глаза и как будто пришла в легкое смятение.

– Милорд, о... том, что недавно случилось, я предпочла бы забыть... А сейчас прошу меня извинить, мне пора гулять с Гектором. – Она присела в вежливом книксене.

Натаньел, прищурившись, смотрел Бетси вслед. Он испытал легкое разочарование от того, как чернокудрая красавица ответила на его намеренный вызов. Он рассчитывал, что она снова вспылит, но неожиданно ее ясные синие глаза словно погасли, и она снова надела не слишком подходящую для нее маску молодой и скромной компаньонки его тетушки – вернее, тетушкиного песика.

Да, она именно надела маску! Натаньел серьезно сомневался в том, что мисс Бетси Томпсон с рождения готовилась к такому зависимому положению...

Глава 2

– Ну раз тебе гораздо лучше, я подумала и решила... – миссис Уилсон наградила одобрительной улыбкой племянника, ожидавшего, когда их позовут в столовую, – устроить небольшой званый ужин. Через... три дня, – с довольным видом продолжала она.

– Тетя...

– Не беспокойся, гостей я позову совсем немного. Человек двадцать из числа ближайших соседей, – продолжала она, все больше воодушевляясь.

Элизабет, вовремя вошедшая в гостиную, услышала слова миссис Уилсон, украдкой покосилась на Натаньела и, поклонившись, направилась в дальний угол комнаты, где скромно села на кушетку рядом с Летицией Грант. При виде графа, такого красивого в черном вечернем костюме и белоснежной рубашке, у нее перехватило дыхание. Пламя свечей придавало золотистый оттенок его волосам, уложенным по последней моде, и слегка загорелому лицу. От нее не укрылось, как вспыхнули его глаза цвета патоки. Впрочем, он тут же надел на себя личину холодного равнодушия. Элизабет без труда угадала причину его холодности!

Миссис Уилсон, еще привлекательная вдова сорока с небольшим лет, недвусмысленно дала племяннику понять, что сама не желает повторно выходить замуж. Она предпочла устремить все свои силы и энергию на поиск подходящей супруги для племянника. Объездив с визитами соседей, она с радостью объявила Элизабет, что в здешних краях имеются по меньшей мере три благородные девицы подходящего возраста, которые, возможно, угодят взыскательному вкусу ее племянника. Миссис Уилсон решительно объявила, что в двадцать восемь лет ее племяннику пора расстаться с холостяцкой жизнью и произвести на свет наследника; поскольку у него нет матери, которая наставила бы его на путь истинный, она, как его ближайшая родственница, должна исполнить свой долг по отношению к Натаньелу. Необходимо, чтобы женщина, которую он изберет себе в супруги и матери своих детей, идеально подходила для роли графини Осборн, независимо от того, что по данному поводу думает сам граф!

Судя по сдержанному выражению лица, Натаньел Торн как будто не слишком спешил выполнять тетушкино распоряжение!

После их утренней ссоры Элизабет в глубине души не могла не испытывать мстительной радости, заметив, что графу явно не по себе. Хотя она недолго прослужила у миссис Уилсон, успела понять: уж если ее хозяйка что-то вбила себе в голову, ничто – точнее, почти ничто – не собьет ее с выбранного пути. Лишним доказательством тому служило присутствие здесь самой Элизабет!

Поймав и подхватив на руки сбежавшего песика, девушка в тот день без труда отыскала его хозяйку. Она сразу поняла, что, скорее всего, песик – любимец дамы, которая, не переставая громко ругать своего кучера, широким шагом направлялась навстречу Элизабет, держащей на руках беглеца.

Воссоединение дамы и ее любимца прошло так бурно и трогательно, что Элизабет едва не расплакалась – правда, по иной причине, нежели несчастный кучер, который плелся за хозяйкой, растирая покрасневшие уши.

Убедившись в том, что с «ее милым Гектором» ничего не случилось, миссис Уилсон, прищурившись, внимательно оглядела его спасительницу. Она настояла, чтобы Элизабет села в ее карету и поехала к ней домой выпить с ней чаю. Вернувшись в свой роскошный, уютный дом, миссис Уилсон сразу же пожелала узнать, что делает в парке молодая одинокая девица. Услышав, что Элизабет решила прогуляться, чтобы утешиться, так как ей не удалось получить место в галантерейной лавке, миссис Уилсон пожелала взять Элизабет к себе. Она заявила, что «ее милый Гектор» так полюбил девушку, что иначе просто быть не может.

Итак, не успела Элизабет опомниться, как очутилась вместе с немногочисленными пожитками, которые она привезла с собой в Лондон, в доме миссис Уилсон. Ей в обязанности вменялись заботы об очаровательном шалунишке Гекторе.

Элизабет не сомневалась: раз миссис Уилсон вознамерилась найти племяннику достойную жену, она своего добьется, независимо от того, желает этого граф Осборн или нет!

– ... Очень кстати Миллеры не поехали в этом году в столицу, ведь они до сих пор в трауре после кончины лорда Миллера, – с довольным видом продолжала миссис Уилсон, обращаясь к племяннику.

– Для кого кстати? Едва ли для самого лорда Миллера, – сухо протянул граф.

Элизабет снова подавила улыбку, но радость тут же поблекла, когда она подняла глаза и заметила, что лорд Торн задумчиво смотрит на нее. Она быстро отвернулась и вступила в разговор с пожилой Летицией Грант, все время сознавая, что красивый граф продолжает пристально смотреть на нее...

Натаньел вполуха слушал щебетание тетки, которая продолжала перечислять, кого еще она предлагает пригласить на званый ужин в субботу. Тетушкины гости его совершенно не интересовали, и меньше всех – две мисс Миллер и их матушка, а также мисс Пенелопа Ратлидж, в равной степени достойная невеста, – дочь местного магистрата, виконта Ратлиджа. Он представил, в какое негодование пришла бы его тетушка, если бы узнала, что единственное существо женского пола, которое хоть сколько-то занимает сейчас внимание Натаньела, сидит сейчас на кушетке в дальнем углу гостиной и тихонько беседует с Летицией Грант! Да и намерения его по отношению к Бетси, которые он недвусмысленно продемонстрировал утром, никак нельзя назвать честными и благородными!

Натаньел остро почувствовал присутствие Элизабет в тот самый миг, когда она вошла в гостиную, вежливо присела в книксене и затем направилась в дальний угол, где скромно села рядом с Летицией. Ей удивительно шло кремовое платье простого фасона; оно выгодно подчеркивало ее кудри цвета черного дерева, уложенные высокой короной и обрамляющие овальное лицо. Завышенная талия и низкий вырез обнажали шею и верхнюю часть груди, которой Натаньел восхищался утром.

После того как мисс Бетси Томпсон вышла из его спальни, Натаньел решил, что эта юная мисс – загадочная особа, а он любит разгадывать загадки. Чуть раньше, осторожно расспросив Летицию Грант, он выяснил: его тетке абсолютно ничего не известно о компаньонке. Разве что Гектор ее, очевидно, обожает – что в глазах тети Гертруды служило лучшей рекомендацией!

У Натаньела же сложилось совершенно иное мнение о тетушкином новом приобретении. Бетси Томпсон вполне могла оказаться сбежавшей женой, которая скрывается от обиженного мужа, или, хуже того, преступницей, которая прячется от правосудия! Необходимо выяснить, кто она на самом деле. По крайней мере, так Натаньел объяснял самому себе собственный интерес к таинственной молодой даме...

– ... Осборн, ты слушаешь меня или нет? – воскликнула миссис Уилсон, очевидно заметив, что племянник отвлекся.

Натаньел лениво перевел взгляд на свою раздосадованную тетушку.

– Конечно, слушаю. Вы уже полчаса превозносите многочисленные добродетели мисс Ратлидж, – равнодушно протянул он. – Как она замечательно играет на фортепиано. Как вам и другим нравится ее вышивание и рисунки; все выполнено особенно искусно. Как она целых три года, после смерти матери, ведет дом и замечательно принимает гостей в доме виконта. Как...

– Осборн, надеюсь, ты не издеваешься надо мной? – сурово осведомилась очаровательно пухленькая тетка, действующая исключительно из лучших побуждений.

– Тетя Гертруда, уверяю вас, мужчина, который так страстно жаждет ужина, как я, не испытывает никакого желания насмешничать.

На пороге показался дворецкий и объявил, что ужин сейчас будет подан. Натаньел тут же предложил тетке руку, намереваясь вести ее к столу.

Элизабет не могла не восхититься той ловкостью, с какой граф уклонился от неприятного для себя разговора, и зашагала рядом с Летицией следом за Натаньелом Торном и его теткой в малую семейную столовую. Многие светские молодые джентльмены, независимо от того, испытывали они голод или нет, сурово попрекнули бы миссис Уилсон за столь откровенное сватовство. Лорд Торн же выказывал тетушке непритворную любовь; поэтому он и не стал с нею ссориться. Правда, его доброе отношение к родственнице ничуть не извиняло его резкости в ответ на ее, как она считала, совершенно справедливую критику его друга, лорда Фолкнера... Как и то чрезмерно фамильярное обращение, которому она подверглась перед их словесной перепалкой...

Элизабет поздно спохватилась; усадив за стол тетушку и Летицию Грант, граф зашел за спинку ее стула и почтительно склонился над ней.

– Бетси, смею ли я надеяться, что вы так покраснели из-за меня? – негромко спросил он, наклоняясь чуть ниже и придвигая ей стул.

Его теплое дыхание ласкало черные завитки на затылке Элизабет. Она затрепетала и не сразу села, однако успела гордо расправить плечи, раздосадованная тем, как верно он угадал ее тайные мысли! Утром он так неожиданно набросился на нее, что Элизабет даже не поняла, что же она почувствовала, когда он попытался ее поцеловать. Ей казалось, что она должна испытывать лишь негодование. К сожалению, оказалось, что все не так. Чуть позже Элизабет отправилась на прогулку с Гектором. Она надеялась обрести мир и покой в лесу, граничащему с Хепворт-Мэнор... И все же ее мысли снова и снова возвращались к тому, как приятно ей было прижиматься к мускулистой груди Натаньела Торна, когда он обнимал ее. Она вспоминала волнение, которое испытала, когда его губы коснулись ее губ; она задрожала от удовольствия, когда его чувственные губы пустились в путь шествия по ее шее. Ну а от взгляда, которым он буквально пожирал ее грудь, все сжималось у нее внутри.

В Шорли-Парке Элизабет вела жизнь уединенную. Молодых людей по соседству с ними почти не было; кроме того, Маркус Коупленд почти никого из соседей не считал достойными спутниками для своих дочерей. Исключением был разве что Малком Касл, сын местного сквайра, но поскольку он с детства выказывал предпочтение Диане, Элизабет и Каролина не рассматривали его как потенциального жениха... И даже если бы дело обстояло не так, поведение Натаньела Торна едва ли можно считать простым флиртом!

Вольности, которые он пытался себе позволить, свидетельствовали о том, что он уважает Элизабет не больше, чем... чем женщину, которой платят за то, чтобы провести с ней ночь! Несомненно, в такой фамильярности повинно ее низкое положение в доме его тетки, и все же...

– Милорд, уж я скорее покраснела бы при мысли о гадюке, чем о вас, – негромко ответила Элизабет, по-прежнему улыбаясь, ведь за ними наблюдали миссис Уилсон и Летиция! Пусть думают, что она благодарит графа за любезность, а не оскорбляет его!

Натаньел широко улыбнулся, словно ее дерзость его только насмешила, и медленно выпрямился. Усадив дам, сам он занял место во главе стола. Дворецкий немедленно приказал подавать первое. Миссис Уилсон снова заговорила о том, какие у нее славные соседи и какие у них добродетельные дочери, и принялась перечислять, кого нужно пригласить на субботний званый ужин.

Натаньел слушал тетушку весьма невнимательно. Он то и дело косился на Бетси. От него не укрылись ее изысканные манеры. Она старалась все время вовлекать в разговор скучную Летицию, которая сидела напротив нее. Летиция, несомненно, была идеальной компаньонкой для тети Гертруды, так как отличалась покладистостью характера и ни в чем не смела перечить своей властной кузине. Натаньела приятно удивило, что Бетси, не обладавшая ни одним из

названных качеств, к чести ее будет сказано, взяла на себя труд занимать беседой пожилую женщину.

Натаньела так занимало наблюдение за Элизабет – и, разумеется, кулинарные шедевры превосходного теткиного повара, – что ему даже удалось на несколько часов забыть о своих сломанных ребрах и связанных с ними неудобствах.

– Бетси, по-моему, Гектору пора прогуляться перед сном, – наконец объявила его тетушка, бросив нежный взгляд туда, где у камина в плетеной корзинке, нежась в тепле и уюте, дремал ее любимец.

Дамы собрались перейти в гостиную, чтобы вместе выпить чаю перед сном. Натаньел, по обычаю, собирался остаться в столовой, чтобы без помех насладиться сигарой и бренди, в которых ему последнюю неделю отказывали: тетушка не одобряла курение в спальнях. Тем самым она, сама того не желая, ускорила выздоровление племянника...

Когда дамы встали, собираясь выйти, Натаньел тоже поднялся с места, рассеянно посмотрел в окно и вдруг нахмурился.

– Тетя Гертруда, безопасно ли мисс Томпсон идти сейчас на прогулку в одиночестве? – Залитый лунным светом мрак по другую сторону окна доказывал, что час уже поздний.

– Милорд, я не боюсь одна гулять в темноте по парку, – довольно резко ответила Элизабет.

Словно не слыша ее ответа, он продолжал обращаться к тетке:

– Тетя, может быть, будет лучше, если вечером Гектора будет выводить кто-нибудь из лакеев?

Миссис Уилсон ненадолго пришла в замешательство:

– Бетси как будто не жалуется...

Взгляд темно-карих глаз как бы невзначай скользнул по лицу Элизабет, а затем Натаньел Торн в третий раз обратился к тетке:

– Милая тетя, мне кажется, мисс Томпсон вообще не из тех молодых леди, которые жалуется. – На его губах мелькнула коварная усмешка.

Элизабет почувствовала, как ее обдало жаром. Он недвусмысленно напоминал ей о том, что она пока держит слово и не жалуется тетушке на его чрезмерно вольное поведение с ней! По правде говоря, Элизабет и не испытывала желания нарушать данное слово; учитывая низкое положение, какое занимала она в доме миссис Уилсон, хозяйка скорее уж обвинит в бесстыдстве саму Элизабет, чем своего любимого племянника!

– Мисс Томпсон может встретить... опасных личностей, которые блуждают по Девонширу в такое время ночи, – сухо добавил граф.

Насколько знала Элизабет, единственная «опасная личность», которую она могла встретить здесь ночью – как, впрочем, и в любое другое время суток, – находилась сейчас в одной комнате с нею! Правда, ей не очень понравилось, что граф вмешивается в дела, которые совершенно его не касаются; до сих пор Элизабет лишь наслаждалась одиночеством своих ночных прогулок с Гектором – и в Лондоне, и здесь. Более того, она с презрением отнеслась к намеку лорда Торна на то, что она – слабохарактерная трусиха, которая боится одна гулять по ночам.

По всей видимости, миссис Уилсон разделяла ее воззрения.

– Осборн, мы в Девоншире, а не в Лондоне! – заметила она.

– И все-таки...

– Лорд Торн, я уверена в том, что мне совершенно ничего не грозит. – Элизабет удалось притвориться скромницей и в то же время бросить на него неодобрительный взгляд из-под полуопущенных ресниц.

В ответ граф насмешливо поднял одну бровь.

– Тетя, может быть, позвольте мне сопроводить мисс Томпсон на прогулке? – вкрадчиво предложил он. – Выкурить сигару я с таким же успехом могу и в парке.

– Я могу пойти с Бетси, – с явным испугом предложила Летиция.

– Милая Летиция, в таком случае опасность будет угрожать вам обеим, – мягко возразил граф.

Миссис Уилсон озабоченно нахмурилась:

– Ты серьезно считаешь, что Бетси опасно выходить одной по вечерам?

Лорд Торн пожал своими широкими плечами и ответил:

– Едва ли контрабандистов в этой части страны стало меньше, чем было несколько лет назад.

Элизабет, что было для нее нехарактерно, лишилась дара речи, услышав предложение графа сопровождать ее на прогулку, но теперь она опомнилась:

– Контрабандисты?!

В его карих глазах заплясали насмешливые огоньки, и он склонил голову.

– Хотя контрабанда до сих пор вне закона, многие девонширцы считают ее весьма при-
быльным родом занятий. Я совершенно уверен, что джентльмены, занятые контрабандой,
предпочтут, чтобы их не видела молодая особа, которая выгуливает собачку.

– Об этом я не подумала! – кивнула миссис Уилсон. – Да, Осборн, наверное, тебе лучше
проводить Бетси...

Бетси готова была закричать от досады. Ее обсуждали так, словно у нее нет ни собствен-
ной воли, ни собственного ума. Впрочем, у Бетси Томпсон, компаньонки балованного и обо-
жаемого песика миссис Уилсон, и не должно быть ни того ни другого...

– Разве что Бетси считает неприличным выходить наедине со мной? – хрипло продолжал
граф.

Поджав губы, Элизабет вскинула голову и посмотрела в его красивое лицо. Она пони-
мала: утолив голод за ужином, граф не прочь поиздеваться над ней.

– Вы...

– Осборн, твое предположение столь же нелепо, как и, например, запрет убирать в твоей
спальне молодым горничным, – раздраженно заметила миссис Уилсон. Тем самым она указала
Элизабет ее место. Компаньонка – все равно что прислуга. Ей все труднее было играть эту роль
в обществе быстро поправляющегося Натаньела Торна...

– Давно ли вы стали откликаться на имя Бетси?

Услышав столь неожиданный вопрос, молодая особа, решительно шагавшая рядом с
Натаньелом по освещенной лунным светом дорожке, чуть не споткнулась от неожиданности.

Его предложение сопровождать ее на прогулке явно разозлило ее; Натаньел понял это по
ледяному молчанию, каким она реагировала на все его реплики. Сходя к себе за накидкой, она
взяла поводок Гектора у услужливого лакея и вышла, не удостоив Натаньела даже взглядом. С
тех пор Элизабет ни разу не ответила ему. Он следовал за ней не спеша, наслаждаясь на ходу
сигарой. Так как ноги у него были длиннее, ему не составляло труда идти с ней рядом.

Судя по ее молчанию и упорному нежеланию смотреть на него, он понял, что она не
намерена даже подавать виду, что замечает его присутствие. Значит, надо напомнить ей о себе!

Что, как понял Натаньел, он только что и сделал...

Оправившись от потрясения, она вскинула голову; ее черты резко выделялись в лунном
свете.

– Что вы имеете в виду?

Стоял ясный весенний вечер; стало так тепло, что Натаньел вышел без плаща. На небе
ни облачка; ничто не затеняло яркости звезд, сверкающих на черном бархате неба. Натаньел
решил, что для контрабандистов сегодняшняя ночь не самая лучшая. Судя по всему, эти гос-
пода предпочитают сплошную облачность. В темноте никто не заметит их передвижений.

В такую ночь приятно гулять под луной с молодой и желанной женщиной и песиком, который радостно трусил впереди.

Однако до сих пор их прогулку сопровождала безмолвная борьба.

Натаньел вздохнул и продолжал:

– Я заметил, что вы всякий раз вздрагиваете, когда моя тетушка – как и все прочие – так к вам обращается.

– Вы ошибаетесь, милорд...

– А мне кажется, что не ошибаюсь, – решительно возразил он, чувствуя, что его терпение начинает иссякать.

Элизабет бросила на него настороженный взгляд, понимая, что до сих пор сильно его недооценивала. Его пронизательность показывала, что перед нею не просто любящий племянник миссис Уилсон или легкомысленный друг скандально известного лорда Фолкнера, который сегодня чуть не поцеловал ее.

– Вы молчите – наверное, придумываете какое-нибудь правдоподобное объяснение? – негромко предположил Натаньел.

Она раздраженно вздохнула.

– Милорд, чтобы узнать, в чем тут дело, достаточно спросить вашу тетушку! – ответила она, не останавливаясь.

– Чего я, по вполне очевидным причинам, не собираюсь делать!

В самом деле, не к лицу графу Осборну проявлять такой интерес к молодой даме, которая служит компаньонкой тетиного песика!

– Уверяю вас, милорд, никакой тайны здесь нет. Миссис Уилсон решила, что мое полное имя Элизабет не совсем подходит для прислуги, – с беспечным видом продолжала она.

Значит, по-настоящему ее зовут Элизабет! Натаньел по-прежнему шагал с нею рядом. Да, верно, имя Элизабет подходит черноволосой красавице гораздо больше, чем Бетси.

– Значит, я буду называть вас Элизабет...

– Думаю, не стоит! – От волнения она снова резко остановилась. – Я... вашей тетушке это не понравится, – добавила она уже не так пылко.

– Не помню, чтобы я говорил, что намеревался спросить разрешения у тетушки, – сухо ответил Натаньел.

Элизабет нахмурилась, демонстрируя неудовольствие.

– Милорд, моего разрешения вы тоже не спрашивали... а если бы спросили, я бы решительно вам отказала!

– Может быть, когда мы вместе и одни, как сейчас...

– Нет, милорд!

Он пожал плечами:

– Я ведь обращаюсь по имени к Летиции!

– Потому что она вам свояченица, – чопорно отозвалась Элизабет. – Я же – просто...

– Молодая леди, которую я сегодня поцеловал, – хрипло закончил за нее Натаньел.

Она снова резко остановилась и развернулась к нему лицом. Ее синие глаза сверкнули в лунном свете.

– Не поцеловали, лорд Торн, а только попытались поцеловать! По-моему, мне удалось успешно отбить все ваши атаки! – не без самодовольства добавила она.

Натаньел почувствовал себя задетым. Ах, она считает, что ей без труда удастся и впредь отбивать все его атаки?!

Элизабет тоже кое-что поняла; она осторожно попятилась.

– Сэр, вы не имеете права пользоваться преимуществами своего положения по отношению к девицам, которые служат у вашей тетушки!

– Милая Элизабет, у моей тети служит только одна молодая девица, по отношению к которой я намерен воспользоваться преимуществами своего положения! – прошептал Натаньел, отбрасывая окурочек сигары и медленно подходя к ней.

– Я не ваша милая! – возмутилась она.

– Пока еще нет, – хрипло ответил он.

– И никогда ею не стану! – Ее черные кудряшки запрыгали в свете луны. – Милорд, вы не имеете права...

– Нет, имею, – уверенно кивнул Натаньел.

– Вы... ах! – Все ее возражения резко пресеклись, когда он решительно заключил ее в объятия и притянул к себе.

– И на сей раз, моя милая Элизабет, *вы* не воспользуетесь своим преимуществом, помня о моих сломанных ребрах! – Он расплылся в улыбке и, опустив голову, жадно прильнул губами к ее губам.

Утренние ощущения оказались верными... Чувственные, опытные губы Натаньела Торна и очаровывали, и дарили наслаждение. По всему телу Элизабет разлилось тепло; сердце сладко зануло, груди напряглись, а соски набухли и стали резко выделяться под тонкой тканью платья. Потом на нее накатила горячая волна... О-о-о! Элизабет никогда еще не испытывала такого сладкого жара; она почувствовала, как тяжелеет низ живота и увлажняется преддверие ее лона. Ноги ее задрожали, колени подкосились...

Вскинув руки вверх, она вцепилась пальцами в шелковый жилет Натаньела. Она хотела лишь удержаться на ногах, но сразу же почувствовала, как напряглись его мускулы под рубашкой в ответ на ее прикосновение. Его губы по-прежнему не отрывались от нее.

У Элизабет захватило дух. Она поняла, что ничего более волнующего в ее жизни еще не было. Ничего подобного она раньше не переживала и не испытывала. Жар, который струился по ее телу, охватил ее целиком, когда он положил ладонь на ее грудь...

Внезапно поцелуй оборвался, и Элизабет, у которой по-прежнему кружилась голова, изумленно прищурилась. Натаньел мрачно смотрел куда-то вдаль.

– Что вы наделали, глупая девчонка! – воскликнул он.

Что же она?..

– Гектор! – ахнула Элизабет. Должно быть, пока они целовались, она нечаянно выпустила поводок, и Гектор, чей лай слышался где-то вдали, успел далеко убежать...

Глава 3

– Это вы во всем виноваты! – пылко прошептала она.

– Не я настолько потерял голову от наших поцелуев, что позволил своему питомцу бежать, – угрюмо напомнил ей Натаньел, когда они вдвоем поспешили по темной тропке в погоню за озорным песиком. Точнее, бежать пришлось Элизабет; Натаньел шел обычным шагом и вполне поспевал за нею.

– Я не... Гектор! Гектор! Я вовсе не потеряла голову! – Она метнула на него обвиняющий взгляд, продолжая звать своего питомца. – Если бы вы не... Гектор! Гектор!

– Элизабет, хочу вас предупредить... – Натаньел решил прервать то, что считал подготовкой к обвинительной речи, достойной его тетки, когда она постепенно приходила в раж. – Контрабандисты в этих краях очень даже настоящие. И если кто-то из них случайно оказался сейчас здесь...

– Милорд, по-моему, вы просто пытаетесь меня запугать.

– Сами посудите, ну зачем мне вас запугивать? – миролюбиво осведомился он.

– Да затем, что вы испытываете от этого какое-то сомнительное удовольствие! – парировала Элизабет, решив, что с нее хватит издевок на один вечер. – А я не намерена пугаться сказок и легенд... – Она резко замолчала, снова услышав лай Гектора вдали. Затем послышался грубый мужской голос; заржала и зафыркала испуганная лошадь...

– Гектор! – закричала Элизабет, бросаясь вперед, в темноту.

Натаньел поспешил за ней; сердце как будто перестало биться у него в груди, когда он увидел, как Элизабет мчится туда, где виднелся силуэт Гектора. Песик лаял на огромного, призрачно бледного коня. Конь фыркал, испуганно закатывал глаза и пятился к краю утеса, угрожая сбросить своего всадника. Потом испуганное животное встало на дыбы...

– Тихо, Гектор! – рявкнул Натаньел.

Элизабет при этом успела схватить коня за поводья и стала успокаивать его. Конь размахивал перед ней смертельно опасными копытами, дико вытаращив глаза, раздувая ноздри и по-прежнему фыркая и приплясывая, несмотря на то что песик уже замолчал.

– А ну, успокойте его! – велел Натаньел облаченному в черное всаднику и, не обращая внимания на боль в ребрах, шагнул вперед и крепко схватил коня за узду.

Захваченный в плен с обеих сторон, серый конь наконец начал успокаиваться.

– Вот молодец! – похвалила коня Элизабет, глядя его шелковистую шею. – Славный... хороший мальчик! – восхищенно продолжала она. И конь действительно успокаивался. – Милый!

Натаньел решил, что позже непременно выскажет мисс Элизабет Томпсон все, что он думает о ее беспечности. Как можно приближаться к коню, вставшему на дыбы?! Пока же он решил выместить свой гнев на всаднике. Тот ловко спрыгнул с седла и преградил ему путь.

– Вы что это устроили? – властно спросил Натаньел, по-прежнему держа испуганного коня за узду.

– Что я устроил? – Казалось, незнакомец на время лишился дара речи. – Если бы вы не выпустили вашу проклятую собачонку, которая напугала Лучика, ничего бы не случилось!

Элизабет не понравилось, как пренебрежительно незнакомец отзывается о Гекторе. Впрочем, во всем остальном его обвинения оказались вполне справедливыми.

– Простите меня, сэр, во всем виновата я.

Бледное лицо незнакомца круто повернулось к ней.

– Я нечаянно выпустила поводок... Он выскользнул у меня из пальцев, и потому...

– Кто вы такая? – резко осведомился незнакомец. Его черный плащ едва заметно вздымался в темноте, а цилиндр как-то ухитрился прочно сидеть на голове. Элизабет удивилась резкости вопроса.

– Меня зовут Элиза... Бетси Томпсон, сэр. Приношу вам свои искренние извинения, если я причинила неудобства вам и вашему коню. К сожалению, я на время... отвлеклась и позволила Гектору убежать. – Она нахмурилась, вспомнив, из-за чего она, как она выразилась, «отвлеклась».

– Элиза Томпсон, говорите? – сухо переспросил незнакомец.

– Элизабет. Но зовут меня Бетси, – ответила она. – Надеюсь, ни вы, ни Лучик не пострадали?

– Не узнаю, пока не верну Лучика в конюшню и не осмотрю его, – буркнул незнакомец.

– Это вы, Теннант? – вдруг спросил Натаньел.

– Да... меня зовут сэр Руфус Теннант, – высокомерно ответил незнакомец. – А вы?

– Осборн.

Ответ Натаньела произвел желаемое действие.

Широкие плечи незнакомца как будто немного расслабились.

– Натаньел Торн?

– Он самый, – отрывисто ответил граф.

– Вы приехали в Хепворт-Мэнор к тетке?

– Видимо, так, – сухо ответил Натаньел. – Теннант, а зачем вы скакали по холмам в темноте?

– Осборн, джентльмен не обсуждает свои ночные дела при даме, – ответил сэр Руфус Теннант.

Элизабет показалось, что он улыбается, хотя она и не видела его лицо. Она наклонилась и стала гладить тяжело дышавшего Гектора. Слова нового знакомого позволяли задаться вопросом: чем он занимался ночью – перевозил контрабанду или просто возвращался с любовного свидания?

– Вы удивляете меня, Теннант... – негромко проговорил Натаньел. Очевидно, он предположил вторую причину.

– Вот как? – холодно ответил Теннант.

– Милорд, по-моему, нам пора возвращаться в Хепворт-Мэнор. – Элизабет встала, крепко сжимая в руке поводок Гектора.

– Осборн, познакомьте нас, – отрывисто приказал Теннант.

– Бетси Томпсон. Сэр Руфус Теннант. – Судя по сухости ответа, граф совсем не пришел в восторг от намерения соседа познакомиться с его спутницей.

– Мисс Томпсон... – Сэр Руфус Теннант поклонился. – Вы позволите завтра навестить вас и справиться о вашем самочувствии?

Элизабет во второй раз за несколько минут лишилась дара речи. Очевидно, сэр Руфус решил, будто она гостит у миссис Уилсон! Впрочем, Натаньел тут же развеял его заблуждение, ответив за нее:

– Мисс Томпсон – компаньонка моей тетушки и завтра, если вы все же решите заехать в Хепворт-Мэнор, будет занята выполнением своих обязанностей, – резко парировал он. – Но не сомневаюсь, что миссис Уилсон рада будет вас принять.

Понимая, что сэр Руфус по-прежнему не сводит с нее пытливого взгляда, Элизабет хранила стоическое молчание, хотя ей стало не по себе. Ей еще раз напомнили, что компаньонки богатых дам не принимают визитов от титулованных джентльменов!

– Вы собираетесь молчать и всю обратную дорогу до Хепворт-Мэнор? – осведомился Натаньел.

Ребра у него ужасно болели после усилий, ушедших на то, чтобы усмирить коня Теннанта. Боль несколько не уменьшалась из-за того, что Элизабет отправилась назад быстрым шагом. Несомненно, ей не терпелось поскорее избавиться от его общества!

– По-моему, милорд, таково ваше намерение, – ответила она. – Не сомневаюсь, пикировки с таким незначительным существом, как компаньонка вашей тетушки, действуют на нервы благородному джентльмену! – добавила она язвительно, не удержавшись.

Натаньел снова насторожился. Молодая особа, которая служит у его тетушки, – крайне противоречивое создание! Судя по всему, Теннант, услышав ее выговор, принял ее за знатную даму. Это было ясно уже потому, что он попросил позволения завтра приехать к ней с визитом. Его просьба несколько не обрадовала Натаньела – так же, как его ответ Теннанту, очевидно, не обрадовал Элизабет.

– Не нахожу беседу с компаньонкой моей тетушки ни в коей мере утомительной, – примирительно ответил Натаньел.

Ее синие глаза сверкнули в темноте.

– Позвольте вам не поверить, милорд!

– Почему, Элизабет?

– Я же просила не...

– А я сказал, что, когда мы будем одни, я намерен называть вас Элизабет.

Она бросила на него раздраженный взгляд:

– Вы считаете, что, поскольку я служу у вашей тетушки, не имею права голоса в данном вопросе?

Он пожал плечами:

– Может быть, вам больше нравится имя Бетси?

Она довольно неизящно фыркнула:

– Разумеется, нет!

– Тогда почему вы не разрешаете мне звать вас Элизабет?

– Потому что вы не просите об этом, милорд, вы настаиваете! – В ее голосе послышалась непритворная злость.

– Отлично! – Натаньел едва заметно склонил голову. – Вы позволите называть вас Элизабет, когда мы будем одни?

– Нет! – ответила Элизабет, не скрывая злорадства.

– Теперь вы нарочно противоречите мне, – в досаде выдохнул он. – Неужели вы злитесь на меня за то, что я сказал Теннанту о вашем положении в доме моей тетушки?

Элизабет остановилась:

– С какой стати мне злиться на правду?

– Понятия не имею, знаю лишь, что... Черт побери!

Натаньел развернулся, собираясь крепко схватить Элизабет за руки, но вдруг судорожно втянул в себя воздух. Из-за мучительной боли в груди ему захотелось согнуться пополам.

– Что с вами, милорд? – озабоченно спросила Элизабет, разворачиваясь к нему.

– Прошу прощения, что чертыхнулся, – сквозь зубы процедил Натаньел, медленно выпрямляясь.

– Ничего... – Она взволнованно тряхнула головой, и ее черные кудряшки под чепцом запрыгали. – Вам больно?

– Я просто растревожил старые раны, – уточнил он, сжав зубы, чтобы унять боль. – А все потому, что мне пришлось вмешаться и спасти вас от вашего же собственного безрассудства!

– Что вы имеете в виду? – с вызовом ответила она.

– Если бы я не вмешался, конь Теннанта мог бы растоптать вас! – Натаньел бросил на нее обвиняющий взгляд. – Кем вы себя вообразили, когда попытались его усмирить?

– Уверяю вас, я точно знала, что делала!

– Да что вы говорите? – презрительно скривился Натаньел.

– В первый раз меня посадили на лошадь, когда мне было... – Она резко осеклась и плотно сжала губы, понимая, что проговорила.

«Нет, она снова что-то недоговаривает», – раздраженно подумал Натаньел. Если окажется, что Элизабет Томпсон – дочь какого-нибудь мелкопоместного обедневшего джентльмена, во что он верил все сильнее, его сегодняшнее поведение по отношению к ней ставит его в весьма неловкое положение. В очень неловкое...

– Итак, мы с вами говорили о?... – спросил он, как будто ничего не заметил.

Элизабет расправила плечи:

– Милорд, позвольте, я помогу вам вернуться домой.

– Элизабет, мне больно, но я не калека! – резко ответил Натаньел и тут же поморщился, когда Элизабет попыталась взять его под руку. Ее рука упала.

– В таком случае вам самому следует думать о том, что вы делаете, прежде чем критиковать мои действия!

– Как это? – нахмурился Натаньел.

Она сухо кивнула:

– Если бы вы не ввязались в пьяную драку, то не получили бы травмы, от которых теперь страдаете!

– А если я получил свои травмы, защищая честь леди? – сухо спросил он, чувствуя, как боль понемногу ослабевает.

Она скептически подняла брови.

– Верится с трудом! Настоящая леди никогда не окажется в таком положении, что ей потребуется подобная защита, – добавила она, видя, что Натаньел пытливо смотрит на нее.

Возможно, это и правда. Хотя, поскольку друг Натаньела, лорд Доминик Вон, объявил, что собирается жениться на упомянутой леди при первой возможности, ему сейчас благоразумнее держать свое мнение при себе!

– Я уверен, что вы никогда не окажетесь в подобном положении, – врасстяжку ответил он.

Элизабет нахмурилась, очевидно решив, что он над ней издевается.

– Я всего лишь компаньонка вашей тетушки; меня не назовешь настоящей леди, – высокомерно сообщила она, направляясь в сторону Хепворт-Мэнор.

Ее высокомерие лишь усилило сомнения Натаньела в правдивости ее высказывания. Вот и Теннант совсем недавно усомнился в том, что его спутница занимает столь незначительное положение!

– Неужели вы считаете себя недостойной того, чтобы джентльмен защищал вашу честь? – спросил он, поравнявшись с ней.

Элизабет покосилась на него.

– Мою честь сегодня требовалось защищать от одного-единственного человека – от вас, милорд! – презрительно заметила она.

– Элизабет, все свидетельствует об обратном! Мы с вами знакомы не очень долго, однако я все больше убеждаюсь в том, что вы более чем способны сами постоять за себя, – негромко заметил Натаньел.

Дворецкий открыл им парадную дверь, и они вошли в дом. Только здесь Элизабет поняла, как она продрогла на холоде.

– Извините, милорд... – Элизабет скромно опустила глаза. – Миссис Уилсон наверняка с нетерпением ждет возвращения своего любимца!

Прищурившись, Натаньел следил за тем, как Элизабет поднимается по лестнице, а за ней проворно скачет песик. Он приказал себе не забыть завтра непременно спросить у тетки, что ей известно о прошлом молодой особы, которую она недавно приняла на службу.

– Сьюэлл, пожалуйста, подайте бренди в библиотеку, – рассеянно велел он дворецкому.

– Слушаю, милорд.

Устроившись в библиотеке у камина со стаканом бренди в руке, Натаньел обратился мыслями к довольно странной ночной встрече с сэром Руфусом Теннантом.

Теннантов он знал не очень хорошо; когда-то он был шапочно знаком с Джайлсом, младшим братом сэра Руфуса. Несколько лет назад Джайлс стал виновником громкого скандала, а потом покончил с собой. С самим сэром Руфусом, который был на восемь лет старше, Натаньел не общался. Сэр Руфус считался человеком молчаливым и даже в какой-то степени отшельником; он нечасто наезжал в Лондон и почти не бывал в обществе. О его романтических увлечениях почти не ходило сплетен. Тетя Гертруда однажды, после того как сосед в очередной раз отклонил ее приглашение на званый ужин, высказала скандальное предположение, будто вкусы сэра Руфуса... лежат в совершенно иной плоскости. Впрочем, желание Теннанта завтра нанести визит Элизабет как будто не подтверждало выводов тетушки.

– Мадам, к вам сэр Руфус Теннант! – величественно объявил на следующее утро Сьюэлл, входя в гостиную.

Элизабет, скромно сидевшая в дальнем углу с вышиванием, подняла голову. Ей любопытно было взглянуть, как выглядит сэр Руфус при свете дня.

Джентльмен, вошедший в гостиную через несколько секунд, оказался довольно высоким – чуть ниже шести футов. Его черные волосы не мешало бы слегка подровнять и уложить по моде. Таких бледно-голубых глаз, как у него, Элизабет ни разу в жизни не видела. Лицо сэра Руфуса можно было назвать суровым, однако не неприятным, фигуру выгодно подчеркивали тонкий коричневый сюртук, бежевый жилет и светло-коричневые брюки, а также высокие коричневые сапоги с черными голенищами, которые, очевидно, запылились в дороге.

Гость остановился в дверях и, прищурившись, оглядел двух пожилых дам, а затем устремил свой взор на Элизабет. Ей показалось, будто сэр Руфус вдруг судорожно втянул в себя воздух. Подбородок его слегка выпятился вперед. Войдя в гостиную, он направился к миссис Уилсон и вежливо поклонился ей.

– Надеюсь, мадам, вы хорошо себя чувствуете? – осведомился он.

Элизабет за завтраком успела рассказать о вчерашней ночной встрече, поэтому миссис Уилсон, нисколько не удивившись, благосклонно улыбнулась гостю:

– Сэр Руфус! Давненько мы с вами не виделись!

Бледно-голубые глаза покосились на Элизабет, а затем снова устремились на хозяйку дома.

– Мадам, я, как обычно, занимаюсь делами своего имения. К вам я заехал только затем, чтобы убедиться, что мисс Томпсон и ваш племянник благополучно вернулись вчера с прогулки.

– Ах да! – Миссис Уилсон добродушно посмотрела на зардевшуюся Элизабет. – Бетси рассказала, что случилось. Надеюсь, ваш конь не пострадал?

– Вовсе нет, благодарю вас, мадам, – ответил сэр Руфус.

– Выпьете с нами чаю, сэр Руфус? – Миссис Уилсон кивнула Летиции, чтобы та позвала Сьюэлла.

– Спасибо. – Сэр Руфус чопорно склонил голову. – Я... вы позволите осведомиться о состоянии здоровья мисс Томпсон?

При виде задумчивого взгляда миссис Уилсон, кивнувшей в знак согласия, Элизабет еще сильнее зарделась и вернулась к своему вышиванию. Она успела достаточно хорошо узнать свою хозяйку – особу довольно властную, но исполненную самых добрых намерений. Она поняла, что миссис Уилсон будет напряженно слушать каждое слово, которым обменяются они с сэром Руфусом.

– Мисс Томпсон? – Сэр Руфус очутился перед ней; его бледно-голубые глаза как будто видели ее насквозь.

– Сэр Руфус... – Элизабет грациозно кивнула и встала, положив вышивание на кресло. – Приятно слышать, что Лучик находится в добром здравии.

– Спасибо, – ответил гость. – Хм... Вы родом из этих мест?

– Нет, сэр Руфус, я из Ге... – Элизабет вдруг замолчала, и нежный румянец снова окрасил ее лицо, когда она поняла, что выдаст себя, если признается, что она родом из Гемпшира. – Из Херефордшира, – решительно продолжала она. – Но хотя я почти нигде не бываю, Девоншир кажется мне весьма красивым.

– По здешним холмам и скалистым утесам не следует гулять по ночам – ни пешком, ни верхом, – с некоторой укоризной заметил сэр Руфус.

– Да, наверное, вы правы, – с улыбкой согласилась Элизабет. – Надеюсь, вы вернулись домой благополучно?

Он так плотно сжал челюсти, что стало заметно, как заходили желваки у него на скулах.

– Благодарю вас, после нашей... случайной встречи со мной не случилось ничего плохого.

Элизабет переступила с ноги на ногу; ей стало не по себе, когда она вдруг сообразила, что сэр Руфус Теннант на свой лад флиртует с ней! Он явно не был ни достаточно опытен, ни привычен к такому занятию, – как будто прошло много времени с тех пор, как он в последний раз общался с дамами, – и тем не менее он пытался ей польстить.

– Благодарю вас, сэр Руфус, вы очень добры.

Он криво улыбнулся:

– Может быть...

– Теннант! Как я рад снова видеть вас! – отрывисто приветствовал его Натаньел, широким шагом подходя к гостю.

Пока два джентльмена обменивались приветствиями, Элизабет украдкой разглядывала и сравнивала их. Натаньел Торн был лет на десять моложе; в нем чувствовалась жизненная сила. Кроме того, он отличался красотой, которой был лишен его старший по возрасту сосед. Сэр Руфус был темноволос, а лорд Торн мог похвастать золотистой шевелюрой. Светлый сюртук лорда Торна был самого модного покроя и очень шел его глазам и выгодно подчеркивал широкие плечи и узкую талию. Бежевые панталоны, облегавшие длинные ноги, были заправлены в коричневые сапоги, начищенные до такого блеска, что в них можно было смотреться, как в зеркало. Сапоги же Теннанта были пыльными и забрызганы грязью.

Невольно Элизабет посочувствовала скромному сэру Руфусу...

Натаньелу показалось, будто он может прочесть мысли Элизабет, пока она украдкой косилась на них из-под завесы длинных черных ресниц. Он догадался, что она сравнивает его с Теннантом, находит, что внешность Теннанта нуждается в некотором улучшении, – и тем не менее сочувствует их гостю. Его собственная неприязнь к соседу, с которым они случайно встретились вчера ночью, лишь усилилась.

Вчера он снова поддался искушению и поцеловал ее. Натаньел прекрасно понимал, что не имеет никакого права вести себя подобным образом... Ночью ему не спалось. Почти до самого утра он ворочался с боку на бок. Его одолевали тяжелые мысли.

В последний раз Натаньел спал с женщиной недели три назад, а то и больше – когда навещал Гейбриела в его венецианском палаццо. Поцелуй Элизабет Томпсон слишком сильно взволновал его. Всю ночь он не мог усмирить возбуждение – и ему этого совсем не хотелось. Вот почему Натаньел не выспался и пребывал не в лучшем расположении духа.

Его настроение ухудшилось, когда, войдя в тетушкину гостиную, он застал там Теннанта, который стоял рядом с Элизабет и о чем-то негромко с нею беседовал. Раздражение, бурлившее в Натаньеле, подогревалось его совершенно неуместным влечением к Элизабет Томпсон.

– Теннант, может быть, мы вернемся к моей тетушке, а мисс Томпсон пусть вернется к своему вышиванию? – холодно предложил он, когда Сьюэлл принес чай.

Сосед поглядел на него своими холодными, чуть навывкате, бледно-голубыми глазами.

– Я...

– Да-да, идите к нам с Летицией! – беззаботно откликнулась тетя Гертруда. – Здесь мне легче будет пригласить сэра Руфуса на званый ужин, который мы собираемся устроить в субботу, – радушно продолжала она.

Хотя Теннанта, очевидно, раздосадовало постороннее вмешательство, ему пришлось, сухо кивнув Элизабет, подсесть к двум дамам, сидевшим поодаль.

Глава 4

– Вам, наверное, доставляет удовольствие унижать меня? – пылко прошептала Элизабет.
– Я не желал, чтобы вы поставили себя в глупое положение, флиртуя с гостем моей тетки, – холодно парировал Натаньел.

Услышав новое оскорбление, Элизабет ахнула, и в ее синих глазах заблестели слезы унижения.

– Сэр Руфус сам искал моего общества! – дрожащим от волнения голосом произнесла она.

Натаньел покосился на соседа, который пытался вести светскую беседу с миссис Уилсон и Летицией Грант. Очевидно, Теннант не слишком уверенно чувствовал себя в дамском обществе. Он то и дело косился на Элизабет, что доказывало: он приехал сюда только ради нее.

Натаньел презрительно скривил губы и обернулся к Элизабет:

– Не сомневаюсь, такой, как Теннант, – весьма выгодная партия для компаньонки знатной дамы!

Элизабет озадаченно нахмурилась, не совсем понимая, чем вызвала неудовольствие графа. Она сознавала только одно: Натаньел на нее злится. Возможно, сэр Руфус Теннант – в самом деле «выгодная партия» для компаньонки знатной дамы, но отнюдь не для леди Элизабет Коупленд!

– И я не сомневаюсь, – нарочито вежливо ответила она.

– Может быть...

– Осборн, прошу тебя, помоги мне уговорить сэра Руфуса прийти к нам в субботу на ужин! – Миссис Уилсон бросила слегка неодобрительный взгляд на племянника, который продолжал о чем-то вполголоса беседовать с ее компаньонкой.

– Сейчас я к вам присоединюсь, тетушка, – ответил Натаньел, но тут же снова повернулся к Элизабет и, понизив голос, произнес: – Конечно, для вас Теннант, возможно, староват...

Элизабет надменно подняла темные брови:

– Милорд, компаньонка едва ли может рассчитывать на такую роскошь, как молодой муж! – Она многозначительно покосилась на сэра Руфуса. – Его внешность и манеры кажутся мне вполне приятными. И похоже, он человек довольно состоятельный.

– А для вас это, конечно, важно? – высокомерно осведомился Натаньел.

Элизабет скромно опустила ресницы:

– Не сомневаюсь, милорд, материальное положение жениха имеет значение для большинства потенциальных невест!

– Как и приданое невесты всегда имеет значение для жениха, – многозначительно протянул он. Конечно, Элизабет тут же вспомнила, что приданого нет ни у нее, ни у ее сестер...

Их отец был милейшим человеком, любящим и добрым, но после ухода жены он постепенно отдалился от всех, включая самых близких, до такой степени, что не позаботился должным образом о будущем дочерей после своей кончины. Он умер скоропостижно. Возможно, отец считал, что к тому времени, как произойдет это печальное событие, Диана, Каролина и Элизабет благополучно выйдут замуж. Правда, Элизабет не понимала, как они могли выйти замуж, если отец не вывозил их в свет и таким образом лишал возможности познакомиться с потенциальными женихами!

Как бы там ни было, Маркус Коупленд никак не оговорил в своем завещании приданое для трех дочерей. Из-за его недальновидности девушки вынуждены были положиться на милость Гейбриела Фолкнера, дальнего родственника Маркуса, ставшего наследником его титула и состояния.

Элизабет натянуто улыбнулась:

– Тогда будем надеяться, ради вашей пользы, что обе мисс Миллер и мисс Ратлидж – обладательницы солидного приданого!

Натаньел нахмурился. Он совсем не обрадовался тому, как ловко она повернула разговор в сторону совсем не тонких матримониальных намерений его тетки.

Он помнил, что два его ближайших друга намерены в самом ближайшем будущем вступить в брак. Доминик воспылал страстью к красавице Каро Мортон, скрывающей свое лицо под маской, а более практичный Гейбриел, унаследовавший титул графа Уэстборна и ставший опекуном дочерей покойного графа, принял решение предложить руку и сердце одной из трех своих подопечных. Но намерения друзей вовсе не убедили Натаньела в том, что он и сам должен вскоре пойти к алтарю. Более того, он считал своим долгом сохранить саму идею холостяцкой жизни для других своих ровесников, которым также до сих пор удавалось избежать брачных уз.

Элизабет с трудом подавила улыбку при виде неодобрительного выражения лица Натаньела при одном упоминании о его возможной женитьбе. Она поняла, что надежды, которые питала в отношении племянника миссис Уилсон, скорее всего, не оправдаются.

– Милорд, вам и в самом деле лучше вернуться к тетушке и ее гостю! – Она бросила на графа вызывающий взгляд, чувствуя, что в последней схватке вышла победительницей.

Натаньел смерил ее высокомерным взглядом:

– Я привык поступать, как мне вздумается, а не повиноваться желаниям других!

Элизабет невольно улыбнулась и заметила:

– Кто бы мог подумать!

В ответ на ее явное ехидство карие глаза прищурились.

– Вы...

– Осборн, твой чай остынет! – властно перебила его миссис Уилсон.

Элизабет вдруг сообразила, что рискует навлечь на себя гнев своей хозяйки, если немедленно не положит конец разговору с ее племянником. Не удостоив графа более ни единым взглядом, она подошла к миссис Уилсон.

– Лорд Торн просто давал мне советы по поводу безопасных маршрутов для прогулок с Гектором. – Она рассеянно улыбнулась сэру Руфусу Теннанту, который при ее приближении поспешно вскочил на ноги.

– Конечно! – Миссис Уилсон добродушно улыбнулась племяннику, не спеша подошедшему к остальным. – Он такой славный мальчик, всегда заботится о благополучии других...

Элизабет не смогла сдержаться и недоверчиво фыркнула. Увидев, что ее хозяйка сурово сдвинула брови, она притворилась, будто закашлялась. Ее смешила сама мысль о том, что Натаньел Торн – «славный мальчик», который «заботится о благополучии других»; граф казался ей олицетворением высокомерия, и единственной особой, о которой он хоть как-то заботился, помимо себя самого, была, по всей видимости, его тетушка.

– Бетси, надеюсь, вы не простудились. – Миссис Уилсон деликатно поднесла к носу платок.

Краем глаза Элизабет заметила, как красивые, чувственные губы графа расплылись в насмешливой улыбке.

– Нет-нет, я не простудилась, – заверила она пожилую даму. – Возможно, что-то в комнате вызывает у меня аллергию, – добавила она, желая уязвить ухмыляющегося графа. – Прогулка на свежем воздухе мигом исцелит меня!

– Я как раз собирался уходить, – заявил сэр Руфус Теннант, ставя на стол пустую чашку. – Может быть, вы позволите сопроводить вас?

При этом предложении у Элизабет екнуло сердце. Замечания о сэре Руфусе, которые она отпускала в недавнем разговоре с лордом Торном, были вызваны единственно чувством противоречия. Она не испытывала никакого романтического влечения к некрасивому, неуклю-

жему соседу миссис Уилсон, который к тому же был лет на двадцать старше ее. Она невольно устыдилась, подумав, что леди Элизабет Коупленд не удостоила бы такого скромного кавалера даже взглядом!

– Смею вас заверить, я знаком со здешними краями гораздо лучше Осборна, – высокопарно продолжал сэр Руфус.

Элизабет подумала: он не только некрасив, но и напыщен. На Натаньела она старалась не смотреть, но догадывалась, что сейчас он, скорее всего, неодобрительно хмурится. Наверное, именно поэтому, из духа противоречия, Элизабет и приняла приглашение сэра Руфуса. Впрочем, она по-прежнему не испытывала никакого расположения к этому человеку – ни как Бетси Томпсон, ни как леди Элизабет Коупленд...

Она едва заметно вздохнула:

– Ваше предложение очень любезно, сэр Руфус...

– В самом деле, очень любезно, – тепло сказала миссис Уилсон. – Сэр Руфус, на западной опушке леса по-прежнему цветут колокольчики?

– Да, мадам.

– Бетси, непременно позвольте сэру Руфусу показать вам западную опушку – мы зовем ее «колокольчиковый лес»! – Хозяйка дома мечтательно улыбнулась и добавила: – Гектор всегда обожал резвиться в колокольчиках. – Судя по всему, последнее соображение и решило дело.

Элизабет встала, стараясь не выдавать досады; попустительство миссис Уилсон своему любимцу не знало границ; если Гектору нравилось резвиться в колокольчиках, значит, Элизабет непременно должна была отвести его туда.

Едва заметно покосившись на Натаньела Торна из-под полуопущенных ресниц, чтобы понять, как он отнесся к тетушкиному предложению, она поняла, что ошиблась.

Ужасный, ужасный человек! Он как будто забавлялся, радовался ее замешательству! Натаньел наверняка прекрасно понял, как не хочется Элизабет гулять в обществе сэра Руфуса!

Натаньел стоял, плотно сжав губы, словно пытался подавить улыбку. Однако в его карих глазах плясали веселые огоньки.

– Бетси, я не сомневаюсь, что вам чрезвычайно понравится в «колокольчиковом лесу».

Если бы их не слушали и за ними не наблюдали посторонние, она бы с величайшей радостью высказала ему все, что думает о нем!

– Я тоже не сомневаюсь. – Она повернулась к сэру Руфусу: – Если вы не против немного подождать, сэр, я схожу наверх, за шляпкой.

– Я подожду. – Он сухо, без улыбки кивнул ей.

Элизабет нарочито медленно поднималась по лестнице. По правде говоря, она пока не знала, что и думать о сэре Руфусе Теннанте. Он, конечно, старался быть галантным, хотя это ему плохо удавалось. Судя по всему, ему не терпелось погулять в ее обществе.

– Элизабет, не скрою, меня впервые назвали причиной аллергии.

Она так резко развернулась, услышав прямо за своей спиной насмешливый голос, что упала бы с лестницы, если бы Натаньел не подхватил ее за руки и не помог сохранить равновесие.

Элизабет вырвалась сразу же, как только поняла, что снова уверенно стоит на ногах. На миг она заглянула в бесшабашно веселые глаза графа, и у нее перехватило дыхание. Элизабет отступила и поднялась еще на ступеньку, боясь, что у нее закружится голова.

– Скорее всего, у меня не аллергия, а просто раздражение, – ледяным тоном отрезала она.

– Вы, как я погляжу, за словом в карман не лезете, – восхищенно заметил граф.

– Искренне надеюсь, что это так, – с довольным видом произнесла Элизабет, но тут же озадаченно нахмурилась. – А вам не следовало идти за мной, милорд!

– Я вовсе не «шел за вами», Элизабет, – возразил он. – Я спустился в гостиную только ради тетушки, чтобы поздороваться с Теннантом. А теперь, выполнив свой долг, я могу удалиться в библиотеку – там меня ждут неоконченные дела.

Лицо Элизабет обдало жаром – он, вне всяких сомнений, укорял ее!

– Дела, милорд?

– Элизабет, постарайтесь понять – как граф Осборн я обязан управлять своими именами и заниматься прочими делами.

– А разве вашими делами не занимаются за вас управляющие и поверенные? – спросила она.

– Да, конечно, у меня есть и поверенные, и управляющие, – согласился Натаньел. – И все же мне приходится ими руководить.

– Ясно...

Он помрачнел еще больше:

– Хотелось бы знать, почему даже в самых кратких ваших замечаниях вы ухитряетесь меня не одобрять?

Элизабет наградила его невинным взглядом своих синих глаз:

– Понятия не имею!

– Вы не в первый раз говорите неправду, – буркнул Натаньел, – просто сейчас ваша ложь совершенно очевидна.

Элизабет насторожилась и смерила его встревоженным взглядом.

– Я понятия не имею, о чем вы, милорд. – Она никогда не умела особенно хорошо хитрить и уклоняться от ответа; более того, она сама удивлялась, как ей удастся так долго играть роль компаньонки миссис Уилсон. Почему ее до сих пор не разоблачили?

Если ее в самом деле еще не разоблачили...

После возвращения племянника из Венеции и его ранения миссис Уилсон была занята другими вещами и не озаботилась происхождением Бетси, но лорд Торн уже дал ей понять, что видит в ней загадку, которую ему хочется разгадать.

Его следующие слова подтвердили подозрения Элизабет.

– Вы, несомненно, догадываетесь, что, поскольку тетя Гертруда – моя единственная родственница, ее благополучие для меня чрезвычайно важно, – многозначительно заметил он.

Элизабет встревожилась:

– Надеюсь, вы не подозреваете, что я хочу так или иначе причинить вред моей доброй хозяйке?

Натаньел смерил ее задумчивым взглядом, отметив, как она побледнела и как потемнели ее глаза. Она чувствует себя виноватой? А может, ей просто неприятно оттого, что он высказал вслух свои подозрения?

– Возможно, ненамеренно, – медленно проговорил он. – Но тетя склонна верить людям...

– А вы, несомненно, склонны никому не доверять, пока вам не докажут обратное? – парировала она.

Он сжал зубы и процедил:

– Возможно!

Элизабет понимала, что так оно и есть. Последние двенадцать часов Натаньел Торн недвусмысленно давал ей понять, что он не только очарователен, но еще и умен и проницателен.

Она холодно склонила голову:

– Я не забуду, как высоко вы цените благополучие вашей тетушки. А теперь, если позволите... Я ушла так надолго, что сэр Руфус еще решит, что я передумала идти с ним на прогулку!

Граф криво улыбнулся:

– Хочу вас предупредить насчет сэра Руфуса...

– Вы опять? – Элизабет раздраженно подняла брови.

Его губы расплылись в улыбке.

– Похоже, сегодня мой удел – давать советы.

Она вздохнула:

– Что же вы хотите мне рассказать о нем?

Натаньел задумался. Что ему известно о прошлом соседа? Он, как и почти все представители общества, полагал, что самоубийство младшего брата могло пагубно повлиять на рас-судок сэра Руфуса. Затворничество Теннанта, его упорное нежелание бывать в обществе стали поводом для многочисленных пересудов. Много злословили и о его неловкости с женщинами. Впрочем, если вспомнить вчерашнюю ночную встречу, а также его несомненный интерес к Элизабет Томпсон, слухи остаются лишь слухами. Он предложил Элизабет сопровождать ее на прогулке... А если окажется, что его интерес серьезен и Теннант сделает Элизабет предло-жение? Может быть, Теннант устал мучиться воспоминаниями и, встретив молодую женщину, которая ему понравилась, решил переменить образ жизни? В конце концов, какое Натаньел имеет право вмешиваться? Не имеет он также права заводить интрижку с тетушкиной компа-ньонкой. Интрижка эта ничем хорошим не кончится и, более того, в высшей степени непри-лична...

– Это не важно. – Натаньел презрительно повел плечами. – Желаю приятной прогулки в «колокольчиковом лесу».

Стоя на верхней ступеньке лестницы, Элизабет сверху вниз смотрела на графа, пока тот не скрылся за поворотом коридора.

– Из какой части Гемпшира вы родом, мисс Томпсон?

Элизабет вскинула голову и посмотрела на человека, который шагал с ней рядом по заросшей колокольчиками лесной поляне. Затем она осторожно оглянулась. Пока Элизабет ходила за шляпкой, миссис Уилсон решила, что молодой девице не совсем прилично идти гулять наедине с холостым джентльменом; поэтому она распорядилась, чтобы их сопровождала Летиция. Правда, никакого толку от Летиции не было. Едва они вошли в лес, кузина миссис Уилсон настолько увлеклась, собирая цветы для букета, что намного от них отстала.

Сэр Руфус вел своего коня в поводу; Гектор, спущенный с поводка, радостно наскакивал на него. Сэр Руфус то и дело бросал на песика раздраженные взгляды.

Элизабет улыбнулась:

– Кажется, я говорила, что выросла в Херефордшире, сэр Руфус!

– Ах да, действительно. – Он кивнул. На ярком свете его некрасивое лицо казалось осо-бенно неприглядным; заметнее стали складки в углах рта, а бледно-голубые глаза навывкате стали еще бледнее. – Так из какой вы части Херефордшира?

– Из Леоминстера. – Элизабет назвала единственный город в Херефордшире, о котором она слышала. – А вы всю жизнь живете здесь, в Девоншире? – вежливо осведомилась она.

Сэр Руфус улыбнулся, и мимолетная улыбка хотя и подчеркнула резкость его черт, на миг сделала его почти привлекательным.

– Лондон не представляет для меня интереса.

Элизабет никогда не бывала в лондонском обществе, и слова ее спутника вызвали у нее досаду.

– Даже магазины и развлечения?

Сэр Руфус едва заметно пожал плечами:

– Если мне нужно в магазин, я могу довольно быстро доскакать верхом до Тонтон. Ну а развлечения... нет, я по ним нисколько не скучаю, – отрывисто ответил он.

Элизабет удрученно вздохнула. Да, ее спутник нисколько не умеет очаровывать! Но может быть, его откровенность достойна восхищения? Может быть, такую прямоту следует считать не пороком, а добродетелью?

– В таком случае удивлена, что миссис Уилсон удалось убедить вас приехать к ней на ужин в субботу, – откровенно заметила она.

Сэр Руфус взглянул на свою спутницу, и его всегда суровое лицо несколько смягчилось.

– В приглашении миссис Уилсон я усмотрел для себя иной... источник притягательности.

Элизабет не была уверена, что ей нравится почти игривый тон сэра Руфуса, тем более что он так не шел его скованному поведению.

– О да, все знают, какой у миссис Уилсон отличный повар!

– Я имел в виду вовсе не ее повара...

– Не надо, Гектор! – Элизабет повернулась, чтобы пресечь нападки песика на долготерпеливого Лучика. – К сожалению, он очень озорной, – объяснила она, садясь на корточки, чтобы снова взять Гектора на поводок.

Сэр Руфус заметно помрачнел:

– Миссис Уилсон... не слишком стремится дисциплинировать своего любимца!

Элизабет не понравилась столь суровая критика. Пусть миссис Уилсон во всем потакает песику, но Гектор – очаровательное создание, которое совсем не затрудняет ни хозяйку, ни ее компаньонку.

Она быстро выпрямилась:

– По-моему, нам пора возвращаться.

– Наверное, я вас чем-то обидел? – догадался сэр Руфус.

– Что вы, нисколько...

– Мисс Томпсон, я всего лишь считаю, что с животными нужно обращаться как с детьми: видеть их лишь время от времени, и чтобы их не было слышно до тех пор, пока они не начнут говорить, – объяснил он.

Если сэр Руфус тем самым рассчитывал вернуть себе доброе расположение Элизабет, он жестоко просчитался! Элизабет в жизни не слышала подобного вздора о животных и тем более о детях. Она считала, что и тех и других следует любить, и обучать, и радоваться общению с ними. Она невольно вспомнила свою старую няню, которая учила ее: то, как мужчина относится к детям и животным, говорит о его характере.

– Сэр Руфус, вы, конечно, имеете право на любое мнение, – холодно ответила она.

– Я все-таки вас обидел! – Сэр Руфус поморщился. – Может быть, в субботу вечером вы попытаетесь меня переубедить?

– К сожалению, сэр, это будет невозможно.

Он поднял черные брови:

– Почему?

Элизабет лучезарно улыбнулась:

– Я ведь не гостья в Хепворт-Мэнор. Миссис Уилсон мне платит. И потому меня не будет на субботнем званом ужине!

Услышав ее ответ, сэр Руфус явно не обрадовался:

– Может быть, если бы я предложил ей...

– Лучше не надо, – резко перебила его Элизабет. – Уверяю вас, в субботу у меня будет масса дел. Придется занимать Гектора и следить за тем, чтобы он не путался под ногами у гостей миссис Уилсон!

Сэр Руфус бросил на песика взгляд, исполненный крайней неприязни.

– На время званого ужина его следует привязать на конюшне. Там ему самое место!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.